

Бавуу-Сюрюн Мира Викторовна

СТРУКТУРА РУСИЗМОВ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья содержит структурный анализ слов, заимствованных из русского языка. Подробно исследованы особенности морфемного освоения русизмов: антропоформанты в структуре собственных имен, появившиеся под влиянием русского языка; полукальки в составе относительных имен прилагательных. Также проанализированы случаи, когда словообразовательные аффиксы тувинского языка замещают части или отдельные морфемы русских заимствований.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/2-1/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. I. С. 20-24. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Ар-Серги В.** Матвей Кельдов (1900-1930) // Известия Удмуртской Республики. 2007. 26 сентября.
2. **Васильев С. Ф., Шибанов В. Л.** Под тенью зэрпала (дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов). Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1997. 304 с.
3. **Власова Т. В.** В мире, расколотом надвое // Вордскем кыл (Родное слово). 2008. № 3. С. 30-32.
4. **Герд Кузубай.** Вотяцкая литература // Герд Кузубай. Собрание сочинений: в 6-ти т. / сост., авт. предисл., коммент. Ф. К. Ермаков. Ижевск: Удмуртия, 2004. Т. 4. Стихотворения, поэмы, переводы, статьи, научные работы, письма. 384 с.
5. **Домокош П.** История удмуртской литературы / пер. с венг. В. Васовчик. Ижевск: Удмуртия, 1993. 448 с.
6. **Интерн.** Бегентыловщиналы пумит (Против Бегентыловщины) // Гудыри (Гром). 1929. 19, 20 декабря.
7. **История Удмуртии: XX век** / под ред. К. И. Куликова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 544 с.
8. **Кельдов М. С.** Бегентыло // Вьль дунне (Новый мир): антология. Ижевск: Удмуртия, 1989. Т. 1. С. 65-81.
9. **Лотман Ю. М.** Две «Осени» // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство – СПб, 1996. С. 511-520.
10. **Луан Ан.** Кулак верос «Бегентыло» (Кулацкий рассказ «Бегентыло») // Гудыри (Гром). 1929. 29 декабря.
11. **Медведев Г.** Кивалтон ужез умой пуктоно (Надо хорошо наладить руководящую работу) // Гудыри (Гром). 1930. 1 января.
12. **Нош ик критика но ВУАРП сярьсь (Снова о критике и ВУАРП)** / М. Кельдов, М. Баженова, Ал. Эрик, Лади Мики, Иг. Айшон, Шмаки Тими // Гудыри (Гром). 1930. 1 января.
13. **Семенова С. Г.** Мир прозы Михаила Шолохова. От поэтики к миропониманию. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 352 с.
14. **Шушакова Г. Н.** вопросу о взаимосвязях удмуртской литературы и фольклора: художественные функции топонимических преданий в рассказе М. Кельдова «Бегентыло», повести Р. Валишина «Тол гурезь», романа Н. Самсонова «Агбай» // Г. Д. Красильников и тенденции развития прозаических жанров в национальных литературах Урало-Поволжья: сб. статей / сост. В. М. Ванюшев, Г. А. Глухова; отв. ред. В. М. Ванюшев. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2005. С. 108-112.
15. **Якимова Л. П.** Семиотика пещеры в русской литературе 1920-х годов // Критика и семиотика. 2004. № 7. С. 175-191.

**ON THE PROBLEM OF A HERO IN THE UDMURT NOVELISTICS
OF THE 1920-1930S (THE STORY BY M. KELDOV "BEGENTYLO")**

Arekeeva Svetlana Timofeevna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Kondrat'eva Natal'ya Vladimirovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Udmurt State University
sveta.arekeeva@gmail.com; nataljakondratjeva@yandex.ru

The article is devoted to the conception of a hero in the story by M. Keldov –“Begentylo”; the authors consider the originality of representing by the Udmurt writer an image of a kulak and the essence of its disagreement with the stereotypes of the Soviet epoch, which was the reason for ideological rejection of a literary work by the official criticism and for the origin of a label-ideologeme –“begentylovshchina”. The paper argues for the type of a main character as a complicated personality embodying the contradictions of his time.

Key words and phrases: Udmurt literature; genre of a story; image of a kulak; label-ideologeme –“begentylovshchina”; chronotope of action.

УДК 494.3

Филологические науки

Данная статья содержит структурный анализ слов, заимствованных из русского языка. Подробно исследованы особенности морфемного освоения русизмов: антропоформанты в структуре собственных имен, появившиеся под влиянием русского языка; полукальки в составе относительных имен прилагательных. Также проанализированы случаи, когда словообразовательные аффиксы тувинского языка замещают части или отдельные морфемы русских заимствований.

Ключевые слова и фразы: структура; морфемы; аффиксы; антропоформанты; русизмы; заимствования; полукальки; имена существительные; имена прилагательные; глагол.

Бавуу-Сюрюн Мира Викторовна, к. филол. н.
Тувинский государственный университет
mira.bavuu_surun@mail.ru

СТРУКТУРА РУСИЗМОВ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ[©]

Известно, что с начала прошлого столетия русский язык имеет заметное влияние на тувинский язык. О русско-тувинских языковых связях на лексическом уровне написана монография Б. И. Татаринцева «Русские лексические заимствования в современном тувинском языке» [5]. Мы бы хотели остановиться на структуре слов, заимствованных из русского языка, поскольку об этом пока нет специальных исследований.

Говоря о частеречной принадлежности заимствований, следует сказать, что тувинский язык в абсолютном большинстве заимствует имена существительные как собственные, так и нарицательные. Специального внимания заслуживают имена прилагательные с усеченными заимствованными основами. Глаголы в литературный язык не заимствуются, но наблюдаются устные заимствования, имеющие свои особенности в структурном отношении.

В тувинском языке начальная форма заимствованных слов, как с производной, так и непроизводной основой, воспринимается как непроизводная основа. К данной форме присоединяются разные виды аффиксов в соответствии с законами гармонии гласных и сочетаемости согласных, а также по правилам агглютинации тувинского языка. Например, в слове *секретарь* + *-ла* *работать секретарем* из 16 фонетических вариантов словообразовательного аффикса *-ла* присоединяется к русской основе вариант с начальным *л* и с твердым гласным *а*. Если в тувинском слове для закона гармонии гласных важен первый слог морфемы, то в заимствованиях при дальнейшем оформлении слова важен последний слог основы. Именно поэтому в нашем примере с разнорядными гласными в основе гласный последнего слога *-тарь* обусловил выбор варианта аффикса с твердым гласным, а согласный *р* – инициальный согласный аффикса. Надо сказать, что для тувинского языка твердость и мягкость согласного не является релевантным признаком.

Пример последовательного присоединения аффиксов можно наблюдать в слове *театр-жы-т-кан* *театрализованный*: к заимствованной основе существительного *театр-* последовательно присоединены глаголообразующий аффикс *-жы*, далее уже к этой производной основе к нему присоединяется аффикс понудительного залога *-т*, а завершает оформление слова аффикс причастия на *-ган*. Но в некоторых случаях имеются отклонения из общих правил, когда при заимствовании имен существительных отсекается окончание. Эти морфонологические изменения наблюдались в раннем периоде письменных заимствований, то есть в 20-40-е годы прошлого столетия. Например: *культура* – *культур*, *революция* – *револус*. На примере литературоведческой терминологии об этом говорил Д. С. Куулар и приводил следующие примеры: «сокращение окончаний: *систем* (система), *комеди* (комедия), *трагеди* (трагедия), *элеги* (элегия), *сатир* (сатира), *идилли* (идиллия), *тематик* (тематика); изменение окончаний *оды* (ода), *басни* (басня)» [2, с. 116]. Усечение основы слов происходит и в других тюркских языках, а также в монгольском. На наш взгляд, в тувинском это явление происходило также под влиянием старописьменного монгольского языка, который был в обиходе в Туве до принятия современной тувинской письменности (до 1930 года). Затем были приняты правила орфографии тувинского языка, где в частности при орфографировании заимствований из русского языка предписывается сохранение правописания основ, заимствованных после принятия письменности. А слова, вошедшие в тувинский язык до возникновения национальной письменности, пишутся в соответствии с их усвоенным произношением, по фонетическому принципу [3, с. 174]. Таким образом, устные заимствования *сапог*, *зарод*, *копна*, *котел* в современном тувинском языке пишутся *сапык*, *сараат*, *хөпээн*, *кочал*.

Наши материалы показывают, что усечение основы происходит и после принятия указанных правил орфографии – они есть в относительных прилагательных, образованных от заимствованных основ, то есть здесь уже срабатывают механизмы словообразования прилагательных тувинского языка. На этом подробнее остановимся чуть ниже.

Нами встречены уже современные случаи использования усеченных основ существительных в некоторых печатных СМИ: *Россий чазак*, наряду с формами *россий-жи чазак* ~ *Россия-ның Чаза-а* *Российское правительство*, *агресс-чи* наряду с *агрессия-лыг* *агрессорский*.

Говоря о структуре русизмов, нельзя пройти мимо факта использования одного словообразовательного суффикса русского языка как в устной, так и в письменной речи тувинцев. Носитель тувинского языка явно ощущает суффикс *-ист* со значением субъекта действия и строит собственный неологизм *кочегар-ист*. Очевидно, что не «замечается» производность основы слова *кочегар*, поэтому принимается как непроизводная основа и строится слово по аналогии *машинист*, *тракторист*. Другой случай, когда в русских текстах, составленных носителями тувинского языка, встречается слово *хоомей-жи-ст*. Казалось бы, в тувинском слове *хоомей-жи* исполнитель *хоомей* носитель тувинского языка должен увидеть корень *хоомей* и словообразовательный аффикс со значением субъекта действия *-жи*, но он «не замечает» его и строит собственный неологизм *хоомей-жи-ст*, прибавляя к производной же основе *хоомей-жи* исполнитель *хоомей* суффикс *-ист*. Таким образом, основа содержит два словообразовательных аффикса (тувинский и русский) с абсолютно одинаковыми значениями.

Отдельно нужно сказать об основах с аффиксами *-чы*. Для тувинского языка значение «имена лиц по их месту жительства, по профессии» у аффикса *-чы* – сравнительно ново, оно стало наиболее употребительным с 70-80-х годов прошлого столетия (а возможно, даже позже – 80-90-х годов), то есть чуть позже со времени начала оседлости (40-50-е гг.). Так, формы с аффиксом *-чы* *москва-чы* *москвич*, *кызыл-чы* *житель Кызыла* чаще всего встречаются в официальных текстах и публицистике. В то время как традиционно для указания места жительства употреблялось и употребляется в устной разговорной речи сочетание *...чурттуг* «имеющий родину...», родом с... мест».

Важно остановиться на структуре собственных имен. Влияние русского языка в области образования антропонимов тувинского языка особенно активно происходит после вхождения Тувы (Тувинской Народной Республики) в состав СССР, то есть, начиная с 1944 года, когда все жители Тувы прошли паспортизацию – появились понятия «фамилия и отчество». В антропонимах нас интересуют только те, в составе которых имеются различные контаминанты (части), имеющие русское происхождение.

Морфемная структура собственных имен, заимствованных из русского языка, подчиняется общим правилам освоения. В собственных именах обращают на себя внимание антропоформанты, то есть отдельные морфемы, заимствованные из русского языка, а в тувинском языке образующие антропонимы: 1) *-овна* // *-евна*; 2) *-ович* // *-евич*; 3) *-ов* / *-ев*; 4) *-а*; 5) *-на*.

В какой-то период, видимо, в те же годы паспортизации, хоть и редкие, но все же появились тувинские фамилии с русскими окончаниями *-ов* / *-ев*: *Оюн-нар-ов* или *Оюн-нар-ов-а* (где *-нар* – аффикс множественного числа), *Чолдак-оол-ов* или *Чолдак-оол-ов-а*, *Биче-оол-ов* или *Биче-оол-ов-а*. В этих фамилиях естественно появляется окончание женского рода *-а*, что не характерно для тувинского языка. Под влиянием русского же языка в некоторых тувинских фамилиях, оканчивающихся на звукосочетания типа *-ин*, также появляются окончания женского рода: *Ширишин* – *Ширишин-а*.

В современных же семьях утвердился обычай, кроме собственных русских имен типа *Галина*, *Светлана*, *Любовь*, давать тувинские имена с русскими окончаниями женского рода, а в тувинском языке они воспринимаются как антропоформанты, образующие женские собственные имена. Например, в целом ряде слов, оканчивающихся на согласный, появление *-а* указывает на женское имя, поэтому появляются пары имен: *Шолбан* (мужское имя) – *Шолбан-а* (женское имя), *Азият* – *Азият-а*, *Шораан* – *Шораан-а*, *Чечен* – *Чечен-а*, *Чойган* – *Чойган-а*, *Аян* – *Аян-а*, *Саян* – *Саян-а*, *Чаяан* – *Чаяан-а*. Нами отмечен случай, когда при присоединении морфемы *-а* к основе, оканчивающейся на *-с*, произошло чередование *с/з*: *Чимис* – *Чимиз-а*.

В следующем ряде имен антропоформант *-на* присоединяется к именам, оканчивающимся на гласные, – *Тайга-на* (скорее всего по аналогии – *Чойган-а*, *Шораан-а*). Встретился случай, когда по аналогии имен *Октябрина*, *Ирина*, *Марина* было построено имя *Айхерина*, где два слова *ай* ‘луна’ и *херел* ‘луч’ слиты и к ним присоединена часть *-ина*. Образование женских имен при помощи антропоформанта *-а* в настоящее время является продуктивной формой, так же, как в свое время тибетское слово *маа* «женщина» также стало использоваться в тувинском языке как продуктивный антропоформант: *Долбан-маа*, *Сылдыс-маа*, *Байыр-маа*.

В кратких именах, образованных по аналогии с русскими *Нин-к-а*, выделяются морфема *-к-*: *Кара* < *Карк-а*, *Сылдыс* < *Сылдыс-а* ~ *Сылдыс-к-а*, *Шораана* < *Шораан-к-а*, *Алдынай* < *Алдынай-к-а*, *Аяна* < *Аян-к-а*, *Алдын* < *Алдын-к-а*. Безусловно, их нельзя пока считать вошедшими в литературную норму, они остаются в речи городских или русскоязычных тувинцев.

В отношении отчеств фонетические законы тувинского языка по идее должны были бы как-то «управлять» присоединением аффиксов *-овна* / *-евна*, то есть должно было идти по закону гармонии гласных: к основам, имеющим в последнем слоге гласный мягкого ряда, должны присоединяться варианты *-евич*, *-евна*, но наблюдения показывают, что к одной и той же основе могут присоединяться оба варианта аффикса – *Монгуш-евна* или *Монгуш-овна*, *Тюлюш-евна* или *Тюлюш-овна*. Видимо, здесь существенную роль играет то, что основы оканчиваются на переднеязычные согласные. Основы, оканчивающиеся на гласный, как правило, имеют аффиксы на *-евна*: *Байкара-евна*, *Сына-евна*. Но есть *Алта-евич* ~ *Алтай-ович*. Основы, оканчивающиеся на средне- и заднеязычные согласные, действительно сохраняют закон гармонии гласных – *Донгак-овна*, *Ховалыг-овна*, *Дондуп-овна*. На наш взгляд, кроме законов гармонии гласных немаловажную роль играет то, на какой «манер» произносится данное слово: если произносится по законам тувинского языка, чаще всего можно услышать *Алтайович*, *Тюлюшовна*, и тогда эти морфемы воспринимаются носителями не как слитные формы, а как вспомогательная часть, которую можно и «не подвергать» закону гармонии гласных. В устной речи тувинцы очень часто после конечного согласного добавляют *-и* – *Сергеевич-и*, *Кара-оолович-и*, так как в тувинском языке *ч* не занимает финальную позицию.

Из собственных имен названия улиц требуют к себе особого внимания. По правилам тувинского языка, названия улиц при переводе с русского на тувинский должны строиться по схеме II изафета: *Теректиг кудумчу-зу* ‘улица Тополиная’, *Ленин кудумчу-зу* ‘улица Ленина’. Чаще всего в устной речи, иногда в рекламках местного телевидения и радио слышны сочетания типа ‘*Ленина кудумчuzu*’, ‘*Пушкина кудумчuzu*’, которые в обратном переводе на русский язык звучат как ‘улица Лениной’. Данная закономерность прослеживается в отношении собственных имен, принадлежащих мужскому роду с нулевым окончанием.

Такую же закономерность можно наблюдать при объявлении остановок общественного транспорта: ‘*Пушкина остановказы*’, ‘*Кечил-оола-га туруптуңар* ‘Остановитесь на Кечил-оола’. Такому роду освоения русизмов в устной речи коренного населения, на наш взгляд, способствуют таблички с названиями улиц, выполненные только на русском языке. Русские названия в форме родительного падежа также воспринимаются как начальные формы слов, поэтому к ним и присоединяются тувинские аффиксы.

Вопрос о заимствовании прилагательных может быть и спорным, особенно что касается относительных прилагательных. На наш взгляд, можно говорить об относительных прилагательных-полукальках.

Начнем анализ с морфемной структуры прилагательных, в составе которых выделяется русская основа. Огромное количество относительных прилагательных образованы на базе русских заимствований и присоединяемых к ним тувинских словообразовательных аффиксов *-лыг*, *-сыг*. Эти аффиксы высокопродуктивны и имеют свои закономерности присоединения к заимствованным из русского языка основам. По нашим материалам, выбранным из тувинско-русского словаря [6], выявилось следующее:

1. У слов, имеющих в своем составе суффикс *-аццй* и окончание *-а*, отсекался *-ија*, а *ц* переходил в *с* и уже к этой основе присоединялся аффикс *-тыг*. Например: *агитация* – *агитас-тыг*, *информация* – *информас-тыг*, *организация* – *организас-тыг*, *революция* – *револос-туг*. В настоящее же время наблюдается тенденция присоединения к полным формам заимствований: *операция* – *операция-лыг*.

В следующем примере явно видно замещение аффиксом *-лыг* части *-ционный* русского прилагательного «*организационный*» в тувинском слове *организас-тыг*, а в другом случае при помощи того же аффикса *-лыг* действительно образуется относительное прилагательное от слова *организация* → *организация-лыг* «имеющий организацию». Таких примеров множество, один из них - *сота-лыг харылзаа* «отовая связь».

2. В целом ряде слов с суффиксом *-ивн* отсекается от суффикса *н* вместе с окончанием, и к этой усеченной основе прибавляется аффикс *-тыг*. *Административный* ~ *административ-тыг*, *активный* ~ *актив-тыг*, *инициативный* ~ *инициатив-тыг*, *инструктивный* ~ *инструктив-тыг*, *перспективный* ~ *перспектив-тыг*. Здесь можно говорить о заместительной функции аффикса *-тыг*.

3. В следующей большой группе прилагательных, заимствованных из русского языка, произошло замещение суффикса *-н* и окончания прилагательного. Например: *электронный* ~ *электрон-нуг*, *абсолютный* ~ *абсолют-туг*. Они хорошо видны в составе словосочетаний: *электронная вычислительная машина* «*электрон-нуг саналга машиназы*», *абсолютные показатели* «*абсолют-туг көргүзүглер*», *акционерное общество* «*акционер-лиг ниитилел*».

4. В следующей группе заимствований, составляющей также заметное число подобных образований, произошло усечение *н* в составе суффикса *-альн* и присоединения *-лыг* к этой усеченной основе. Причем *л* переходит в твердый *л*, поскольку в тувинском языке согласные не противопоставляются по твердости и мягкости, и этот признак не является фонематическим. Например: *триумфальный* ~ *триумфал-дыг*, *универсальный* ~ *универсал-дыг*, *интеллектуальный* ~ *интеллектуал-дыг*.

Таким образом, можно говорить о двух функциях аффикса *-лыг* в заимствованных из русского языка словах.

1) Заместительная функция словообразовательного аффикса *-лыг* в заимствованных из русского языка прилагательных с суффиксами *-н-*, *-ионн-*, *-ск-*, *-ическ-*, так как частично усеченный суффикс вместе с окончанием прилагательного замещается аффиксом *-лыг*. Наблюдается своеобразный процесс «отувинивания» формы прилагательного. Думается, что здесь мы имеем дело с полукалькой. Примеры полукалек можно обнаружить у слов с аффиксами *-чы*, *-кчы* со значением производителя действия. Например, *организа-кчы* «*организатор*», *машина-кчы* «*машинист*».

В образовании полукалек немалую роль сыграла практика перевода русских текстов на тувинский язык. Безусловно, такое явление возможно в период массового билингвизма, когда активно осваиваются не отдельные имена, а словообразовательные гнезда или их части.

В отличие от прилагательных, образованных от заимствованных имен существительных, где основа, так же как в тувинском языке, имеет лексическое значение, в полукальках с усеченной основой лексическое значение корня только угадывается.

2) Собственно-словообразовательная функция, где к заимствованным из русского языка именам существительным прибавляется аффикс *-лыг* и образует относительное прилагательное со значением «имеющий или обладающий тем, что сказано в основе»: *организация-лыг*, *инициатива-лыг*.

Авторы тувинской грамматики отметили данное явление в общем и говорили о соответствии тувинской морфемы русским суффиксам: «В словах, основы которых усвоены из русского и через русский язык, тувинский аффикс *-лыг*... соответствует суффиксам *-н-*, *-ионн-*, *-ск-*, *-ическ-* русских имен прилагательных» [1, с. 192]. Как показал наш анализ, в заимствованиях нужно разграничивать две разные функции аффикса *-лыг*, когда образуются полукальки и новые относительные прилагательные от русских заимствований.

Как мы уже говорили, литературный тувинский язык не заимствует глаголы, но в устной речи носителей тувинского языка часто можно услышать и глаголы, и наречия. Структура устных заимствованных глаголов также представляет определенный интерес. За основу глагола принимается инфинитивная форма русского глагола, и к нему обязательно прибавляется глаголообразующий аффикс. Чаще всего это общетюркский полисемантический аффикс *-ла*. Например, *заниматься* + *ла* > *заниматьсяла*, *попробовать* + *та* > *попробоватьта*. Таким образом, поскольку тувинский язык не заимствует глаголы, основа слова переводится в разряд глаголов при помощи аффикса *-ла*.

Кратко подводя итоги, заключаем, что каждая часть речи в тувинском языке имеет свои особенности морфемного освоения русизмов. В именах существительных заслуживают внимания собственные имена, особенно антропоформанты, появившиеся под влиянием русского языка. Обнаруживаются полукальки в составе относительных имен прилагательных, когда словообразовательные аффиксы тувинского языка замещают части или отдельные морфемы русских заимствований.

Список литературы

1. Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика, морфология. М.: Восточная литература, 1961. 472 с.
2. Куулар Д. С. Становление тувинской литературоведческой терминологии // Тувинская письменность, язык и литература. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1980. С. 115-122.
3. Пальмбаха А. А., Арагачы З. Б. Основы тувинской орфографии. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1963. 186 с.
4. Татаринцев Б. И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976. 132 с.
5. Татаринцев Б. И. Русские лексические заимствования в современном тувинском языке. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976. 116 с.
6. Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Наука, 1968. 646 с.

STRUCTURE OF RUSSISMS IN THE TUVINIAN LANGUAGE

Bavuu-Syuryun Mira Viktorovna, Ph. D. in Philology
Tuvinian State University
mira.bavuu_surun@mail.ru

The article presents structural analysis of the words borrowed from the Russian language. The author analyzes in detail the specifics of morphemic adoption of Russisms: anthropoformants in the structure of proper names appeared under the influence of Russian language; semi-calques in the structure of relative adjectives. The researcher also analyzes the cases when the word-formative affixes of the Tuvian language substitute the parts of or single morphemes of the Russian borrowings.

Key words and phrases: structure; morphemes; affixes; anthropoformants; Russisms; borrowings; semi-calques; nouns; adjectives; verb.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье представлен анализ базового концепта романа Ф. М. Достоевского «Идиот», который содержит не только первоначальное значение «больной, слабоумный человек», но и индивидуально-авторское значение. Определяется связь концепта «идиот» не только с системой образов романа, но и с сюжетом. Рассматриваются философский, литературоведческий и концептуальный аспекты реализации концепта в тексте романа.

Ключевые слова и фразы: концепт; концептосфера; художественное пространство; русская литература; аксиология; ядро концептосферы; периферия концептосферы.

Бадалова Елена Назимовна

Астраханский государственный университет
badalova-e@mail.ru

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БАЗОВОГО КОНЦЕПТА «ИДИОТ»
В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»[©]**

Название художественного произведения определяется некоторыми исследователями как ключевой концепт (ядро концептосферы) (В. А. Маслова, В. Г. Зусман [7; 4]). В. Г. Зусман пишет о том, что «название произведения не только определяет восприятие текста, но и задаёт вектор раскрытия смысла концепта. Особенно важны названия ключевых текстов и произведений, порождающие безграничный ряд ассоциаций...» [4, с. 162]. В свете этого, ключевым концептом романа Ф. М. Достоевского «Идиот» является концепт «идиот». В тексте романа слово «идиот» и однокоренные слова («идиотизм», «идиотик») составляют 62 единицы.

Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой «Идиот – 1. Человек, который страдает врожденным слабоумием. 2. Глупый человек, тупица, дурак» [8, с. 262]. Следовательно, если составить синонимический ряд первого значения, то в него включены значения «больной, слабый, слабоумный». Но из писем Ф. М. Достоевского А. Майкову известно, что автор романа задумал «изобразить вполне прекрасного человека» [3, с. 87].

Н. В. Кашина в книге «Человек в творчестве Ф. М. Достоевского» пишет, что «это – «обманное», мерцающее несколькими смыслами заглавие, какие любил Достоевский» [5, с. 125]. Действительно, Мышкина воспринимают в обществе как больного и слабого. Только родственные связи с Лизаветой Прокофьевной и миллионное наследство заставляют персонажей романа внимательно относиться к князю. Из речи повествователя мы узнаем, что Мышкин лично сообщил о своей болезни в доме Епанчиных: «...он объявил впрочем, что хотя и все помнит, но мало может удовлетворительно объяснить, потому что во многом не давал себе отчета. Частые припадки его болезни сделали из него совсем почти идиота (князь так и сказал: идиота)» [2, с. 30]. Герой сообщает о своей болезни и тем самым невольно определяет собственный статус в обществе. Остальные персонажи с этого момента воспринимают его только как идиота и ведут себя по отношению к Мышкину соответственно.

Возможно, будущее отношение общества и пугает Лизавету Прокофьевну, так как «этот последний в роде князь Мышкин, о котором она уже что-то слышала, не больше как жалкий идиот и почти что нищий, и принимает подавание на бедность» [Там же, с. 56]. Данный пример очень интересен тем, что отражает значение концепта «идиот» в нескольких аспектах: большой и юродивый. Из-за ревностного отношения к роду Лизавета Прокофьевна не может достойно принять единственного представителя рода Мышкиных по мужской линии, добровольно сообщившего о слабоумии. Но и к тому же нищего, просящего подавание, то есть юродивого, дурака (второе значение слова «идиот»). Следовательно, в данном примере мы можем выделить проявление двух ассоциативных значений концепта «идиот».